

ХРОНИКИ КОСМИЧЕСКОГО ПИРАТА

АНДРЕЙ ЩЕПЕТОВ

Андрей Щепетов

Хроники космического пирата

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Щепетов А.

Хроники космического пирата / А. Щепетов —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Для выполнения особого задания сознание Сергея Скворцова, служащего секретной лаборатории, помещают в чип, который встраивают в телевизор. Но телевизор разбивает американский агент, садист и маньяк Чернятински. С этого момента существование Сергея превращается в пытку. Чернятински всячески истязает пленника, но Сергею всё же удаётся сбежать. Он оказывается в виртуальном пространстве, где на просторах Вселенной господствуют несколько рас. Сергей становится космическим пиратом, но Чернятински не оставляет надежды настичь пленника и пускается в погоню.

© Щепетов А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Щепетов

Хроники космического пирата

Глава 1

– Скворцов, вы меня слышите!? – человек с улыбкой младенца и взглядом змеи смотрел на меня в упор.

– Но шеф, – попытался возразить я. – Эксперимент ещё не завершён, до конца не отработаны элементы выхода, взаимодействия и...

– У нас нет времени! В Москву назначен новый американский посол, Эштон. Надеюсь, не надо объяснять, что это значит?

Он по очереди оглядел присутствующих в кабинете людей – половину лаборатории.

– Ещё раз повторяю задачу, – он снова повернулся ко мне, – тебя встроит в телевизор Эштона, и ты внушишь ему, что не надо здесь никаких революций. Кроме того ты должен убедить его переслать в ФСБ все планы по готовящемуся перевороту. Осуществит вставку чипа вот этот, – шеф достал из стола снимок, – агент. – Я обомлел, с фотографии смотрела дама, объём которой превышал мой, наверное, втрое. – Это – горничная в американском посольстве. Она же, капитан Строева. Она же, когда операция будет завершена, произведёт выемку чипа. Что с вами, Скворцов?

– А это он переживает, как бы им не увлеклась капитанша, – Марик Бергман ткнул пальцем в снимок.

– Напрасно, – судя по всему, шеф опасений Бергмана не разделял, – он не в её вкусе. Хрупковат! Так! – прервал он раздавшиеся смешки. – На подготовку даю две недели. Вопросы есть? – вопросов не было, о чём свидетельствовала мёртвая тишина, накрывшая кабинет. – Всё, выполняйте!

– Не дрейфь, старик! – похлопал меня по плечу Бергман, когда мы выбрались в коридор. – Всё сделаем без шума, без пыли.

Я глянул в чёрные глаза товарища. Удивительно, как в одном человеке уживаются гений и разгильдяй... Это именно он предложил совать людей в телевизоры, приёмники и ещё бог знает во что.

Когда год назад американец Джек Прайсли открыл принцип нейронной диффузии, позволяющий нейроны мозговых клеток перемещать в цифровые устройства, мир словно свихнулся, все кинулись в киберпространство. Кто за новыми ощущениями, кто из любопытства, кто-то от скуки. Марик Бергман нашёл изобретению Прайсли другое применение.

Припёр в лабораторию похожую на футляр фигню, повозился с неделю, а потом заявил, что всё готово. В этот момент спокойная жизнь, – впрочем, не только моя, – кончилась.

– Ты, главное, не зажимайся! – наставлял меня Марик, пристраивая к моей голове провод с присосками на концах. – Просто расслабься и получай удовольствие.

– Сам получай! – буркнул я, с опаской оглядывая оборудование, которое походило скорей на последнее пристанище, чем на нейронный преобразователь. – Лучше скажи, эта хрень, – я обвёл глазами прибор, – точно сработает?

– А то! – Бергман едва не подпрыгивал от нетерпения. – Всё рассчитано до миллиметра! Ну, а если что – не переживай, – он приляпал к моему лбу ещё один провод, – телу твоему пропасть не дадим. Вон хоть Лидочке, – он подмигнул единственной в лаборатории девушке, – предложим. Как, Лидочка, примете Скворцовское тело на хранение?

– Если муж разрешит, – буркнула Лидочка, прилаживая к моему уху какую-то блямбу.

Несмотря на шуточки, напряжение чувствовалось. Всё-таки первый случай, когда человека приделывали к телевизору. Но, несмотря на все опасения, переход оказался быстрым и безболезненным, и ничем не отличался от обычного перехода в виртуал. Те же покалывания по телу, цветные круги, ощущение зыбкости, потом полёта. Но вот дальше начинались отличия. Притом неприятные. Провал, темнота! Полнейшая утрата времени. Секунда прошла или год, непонятно.

Наконец, яркая вспышка пронзает сознание, вырывая из небытия. На меня в упор глядит Марик, как всегда, с плутоватой улыбкой. Вроде рядом, но и не здесь. Экран! – осенило меня. – Он по ту сторону экрана. А я... Я, получается, внутри телевизора, значит, всё удалось.

– Эй! – Бергман постучал по экрану. – Ты здесь?

Здесь. И мне не по себе, нет ощущения тела, словно от меня осталось только сознание. Впрочем, так оно и есть. Ещё этот шум, непрекращающийся ни на мгновение шум. Я вдруг понял, что это телевизионная передача. Судя по всему, шли новости, диктор что-то монотонно бубнил.

– Можешь что-нибудь сказать? – продолжал допытываться у телевизора Марик. – Попробуй настроиться на этого, – он снова постучал по экрану, – который в новостях.

Сам бы лез и пробовал. Я попытался представить себя в роли телеведущего, сконцентрировал импульс и выплеснул из себя.

– Сам дурак! – не меняя интонации и выражения лица, проговорил диктор, освещавший до того ситуацию на Ближнем Востоке.

Никогда до этого я не встречал человека, который так радовался тому, что его обозвали. Марик Бергман едва не подпрыгивал.

– Ещё! – постучал он по телевизору, я ощутил неприятную вибрацию. – Скажи ещё что-нибудь.

– Не стучи, – велел ему диктор, в очередной раз оборвав новости, – в лоб схлопочешь!

– У-ты мой красавец! – Бергман припал к экрану губами, оставив на нём мутный след. Если б я мог сплюнуть, обязательно сплюнул бы, но за неимением рта оставалось только праведно возмущаться.

– Марик, – сказала Бергману девушка, рекламирующая женские гигиенические средства, диктора сменила реклама, – ещё раз так сделаешь, прокляну!

– Ладно! – гений отошёл от экрана на несколько шагов. – Теперь попробуй перейти в ультразвук. Погоди, – поднял он руку, – я принесу звуковой сканер.

Он пропал из поля зрения, вместо него показалось симпатичное Лидочкино лицо.

– Как ты? – она протёрла салфеткой след, оставленный губами Марика. – Живой?

Не уверен, разве можно быть живым, не имея тела. Кстати, как оно там. Я хотел уточнить это у Людочки, но не успел, в комнату, волоча что-то странное, вернулся Бергман.

– Давай! – он щёлкнул тумблером на приборе. – Начинай! Только разочек, – пообещал он, – и сразу назад!

Я попробовал сделать голос тоньше, получилось вроде комариного писка. Марик досадливо поморщился. Я взял выше, потом ещё, по расплывшейся физиономии друга понял, что у меня получилось. Я стал выдавать заученные слова, фразы, стрелка на сканере прыгала, отмечая исходящие от телевизора ультразвуковые волны.

– Молодец! – Марик снова нагнулся к экрану.

– Только попробуй! – предупредил я голосом диктора, и тут меня отключили.

Снова полёт, цветные круги. Резкий свет. Я зажмурился, не понимая, где я и что происходит.

– Серёжа! – меня легонько похлопали по щеке, я открыл глаза и увидел Лидочку. Её лицо казалось встревоженным, пахло нашатырём.

– На, понюхай!

Она поднесла резко пахнущую вату к лицу, я очнулся окончательно. Выбрался из преобразователя, немного мутило. В остальном – всё в порядке.

– Ну, старина! – на плечо сзади легла рука Марика. – С меня причитается!

– Ящик! – обернулся я к другу. – Французского!

Разумеется, я имел ввиду не шампанское.

С того дня прошло несколько месяцев, мы провели ещё несколько экспериментов с телевизором, и вот это неожиданное совещание у шефа. Ни Марик, ни я, ни кто-либо другой в лаборатории ничего подобного не ожидал. Как ни был успешен эксперимент, прошло слишком мало времени, чтобы переходить от лабораторных опытов к реальной работе. Наверняка, это понимал и сам шеф, и он не стал бы нас торопить. Но над ним есть своё начальство, а над тем другое, и так далее...

Две недели пролетели, как мгновение. В назначенный день я вышел из дома раньше обычного, захотелось пройтись, подышать воздухом. Стояла глубокая осень, деревья уже избавились от листвы, прикрыв корявую наготу первым снегом.

Мне вдруг вспомнилось, как примерно в это же время, выпускник факультета психологии МГУ Сергей Скворцов боясь опоздать, торопился на собеседование. Человек с неприятным взглядом задавал вопросы, один нелепей другого. В сознании словно перелистывались страницы: я склонился над столом, изучаю психотипы людей, их привычки, манеры, пристрастия. Подбираю индивидуально для каждого словесный алгоритм, чтоб внушаемый поверил в то, о чём ему будут не переставая твердить. Вот я уже старше, ко мне подходит Марик с таким лицом, словно на него свалилось наследство.

– Знаешь, – шёпотом говорит он, – я влез в ЦРУшную базу. Помнишь, мы разрабатывали одного чиновника, ну, из Штатов? – я кивнул, было такое. – Так вот недавно он передал нашим какие-то сведения, а ихнего начальника службы безопасности понизили в должности. Вот, полюбуйся, – он сунул мне распечатанную на принтере фотографию человека широкоскулого, с высоким лбом и холодными, как у рыбы, глазами. Внизу стояла фамилия – Чернятински.

Развенчанного ЦРУшника сменило лицо шефа, в ушах зазвенел его голос: «Тебя встроит в телевизор Эштона». Эштон, – я нахмурился, – полный человек, на вид добрый дядюшка Сэм. А на самом деле расчётливый циник и делец. В каждой стране, где он появлялся, начинались беспорядки, заканчивающиеся либо свержением власти, либо гражданской войной. Или и тем и другим сразу.

– Чего хмурый! И пешком? – невесть откуда взявшийся Марик вернул меня в настоящее.

– Так, – вздохнул я, припоминая любимый фильм, – что-то смутно и тягостно, захотелось развеяться...

– Ты эту ипохондрию брось! Мне в телеке нормальный человек нужен, а не кисейная барышня.

– А что значит «кисейная»? – остановился я.

– Откуда я знаю? – пожал плечами Бергман. – Но тебе сейчас точно подходит.

– Да, ладно, – отмахнулся я, – нормально всё! Это я так...

Я вошёл в преобразователь, надо мной принялись колдовать Марик с Лидочкой.

– Не хандри, старик! – подбодрил меня Бергман. – Вернёшься – на рыбалку поедem. Хочешь на рыбалку?

– Что я, больной, в такую холодину рыбачить?

– А мы палатку возьмём, а чтоб не скучно было, пригласим Лидочку. Как вы, Лидочка, смотрите на перспективу провести чудный романтический вечер? Знаю, знаю, – пошёл на

попятную Марик, поймав суровый Лидочкин взгляд, – если муж разрешит. А мы его вместе, так сказать, коллективно попросим, не откажет же он коллективу...

– Нет, конечно, – пожала плечиком Лидочка, пристраивая на моём плече датчик, – догонит и ещё раз не откажет!

– Он у вас, Лидочка, эгоист! Пользуется вами единолично, и как ему только не совестно!

Дать достойный ответ Лидочка не успела, потому что в лабораторию вошёл шеф. Змеиный взгляд куда-то исчез, шеф смотрел, – трудно было в это поверить, – едва ли не ласково.

– Наставлений давать не буду, – начал он, обращаясь ко мне, – сто раз всё обговорено. Что делать, знаешь. В общем, – он похлопал меня по плечу, – удачи! – и, развернувшись, направился к выходу.

– Что это было? – озадаченно проговорил Марик. – Это вот, – он кивнул на хлопнувшую дверь, – был наш шеф или у меня галлюцинация?

Действительно, странно. Уж в чём-в чём, а в сентиментальности шефа заподозрить было сложно. Но, как говорится, всё течёт и меняется.

– Ну что готов? – Марик посмотрел мне в глаза, я кивнул. – Начинаю отсчёт: десять, девять...

Я зажмурился. Возникли покалывания, затем цветные круги, меня оторвало от пола. Наступила темнота. Затем – вечность.

Раздался щелчок, экран засветился, я ожил. Передо мной – большая гостиная, с дорогой мебелью и картинами. Напротив меня, вернее, телевизора, расположился огромный диван. Видимо, отсюда и смотрит телевизор Эштон. А вот и он.

В поле зрения возник грузный человек средних лет, в халате и тапочках. Сел на диван, откинулся на подушки, устроившись полулёжа. Принялся переключать каналы. Неприятное чувство, будто раздают подзатыльники. Ага, кажется, выбрал. Я прислушался – надо же, думал, новости включит, а он комедию нашу нашёл. Сидит, лыбится. А говорят у американцев чувства юмора нет.

Ну, начнём, благословясь. Я сконцентрировал импульс и выплеснул заученные слова в ультразвук. Эштон никак на это не отреагировал, значит, не слышит. И не надо. Главное, чтоб воспринимал. Приободрившись, я выдал очередное внушение:

– Россия не враг! – это надо повторить тридцать раз, дальше: – Америка не должна бояться России. – сорок раз. – Америке следует дружить с Россией.

И всё в таком духе. На первый взгляд наивно, но если твердить бесконечно одно и то же, можно убедить хоть чёрта лысого, что он праведник. Дальше будут формулы посложней, насчёт правильного курса нашей страны, о том, что не следует проводить никаких недружественных акций. И что, если это произойдёт, только навредит самой же Америке. И ещё много чего. Но начинать надо с простого.

Эштон, досмотрев кино, щёлкнул пультом, и меня окутала темнота. Как показалось, через секунду, экран снова вспыхнул, я разглядел дородную женскую фигуру с пылесосом, гул от которого доставлял почти физические страдания. Дама, словно прочтя мои мысли, отключила воющий агрегат, вынула из кармана пакет с влажными салфетками и двинулась в мою сторону. Тут я её узнал, из-под дурацкого чепчика выглядывали чёрные глаза капитана Строевой, по совместительству – горничной в американском посольстве.

Подойдя ближе, она едва заметно подмигнула в экран и принялась протирать корпус телевизора. Надо было как-то обозначить, что я тут и что со мной всё в порядке. В общем-то, это было необязательно, даже, рискованно, но не ответить мне казалось невежливым. К тому же, приятно, когда о тебе помнят, пусть даже такая вот капитанша. Я сконцентрировался и выдал следующую фразу:

– Мадам! Не могу выразить, как я рад нашему знакомству!

Капитан Строева вперила глаза в экран, только сейчас до меня дошло, что я разговаривал голосом мужика, рекламирующего средство от потенции. Ловелас сомнительной внешности, одетый в трусы, задорно махал цветастой коробочкой с экрана. Извинялся за меня уже другой человек.

– Пардон! – буркнул метеоролог, тыча указкой в Урал.

Горничная улыбнулась. Значит, не обиделась, это хорошо. Всё-таки, ей меня отсюда вытаскивать. И должно это произойти через три недели, не позже. Потому что открытие Прайсли при всей его значимости имело один существенный недостаток: тело отдельно от разума могло существовать только месяц.

Пока сознание болталось в киберпространстве или, как в моём случае, сидело в телевизоре, тело погружалось в анабиоз, все процессы в нем протекали нормально, но на тридцатый день начинали замедляться, а после тридцать пятого останавливались полностью, и вернуть сознание в тело не представлялось возможным. Так что, капитан Строева была не просто агентом, она была мостиком, связывающим меня с моим будущим. Если подумать, то и с прошлым тоже.

На следующий день всё повторилось, с той лишь разницей, что я усложнил внушение, расширив его на несколько фраз. В какой-то момент Эштон заснул, прямо перед телевизором. Я решился использовать голос, обычный, без ультразвука. Момент был как раз подходящий, на экране шла постельная сцена, парень с девушкой что-то страстно шептали друг другу. Главное, чтоб не орали.

Я собрался с духом и принялся дрожащим от вожделения голосом внушать спящему Эштону, чтоб он оставил глупости с переворотом, а ещё лучше, взял бы, и переправил все сведения об этом в ФСБ. Разумеется, слова были другими, фразы составлялись заранее, но смысл был примерно таким. Наверное, это был первый в истории случай, когда вербовка велась в любовном порыве. Хотя, не секрет, что через постель добывалось множество разных тайн. В том числе, государственных.

Дни тянулись за днями, я, как мог, обрабатывал Эштона. Иногда, с неизменным чепчиком на голове и пылесосом, появлялась капитан Строева. Не забыв подмигнуть, она протирала корпус и экран и уже не казалась мне, как тогда, на совещании у шефа, излишне крупной и непривлекательной. Нормальная тётка, ну слегка габаритная, разве это недостаток, скорей отличительная особенность.

Шёл восемнадцатый день, когда телевизор включили, и возле экрана возник человек, которого я раньше не видел. Весь в чёрном, в затемнённых очках, он сжимал в руках сумку. С минуту помедлил, затем присел на корточки, расстегнул на сумке молнию и вынул голову. Это была голова капитана Строевой. Я едва не закричал, а человек в чёрном, усмехнувшись, постучал по экрану:

– Что, жалко девушку? – говорил он с акцентом, сильно картавя слова. – Мне тоже, – нарочито жалобно вздохнул. – Но как её такую, – он изобразил руками нечто объёмное, – незаметно вытащить? Только по частям! – и он рассмеялся противным каркающим смехом.

Я молчал, не в силах что-нибудь предпринять. В это время негодяй, перестав веселиться, сунул голову несчастной капитанши обратно в сумку, вынул оттуда бейсбольную битку и снял очки. Я его узнал – это был человек с фотографии, той самой, что мне показывал Марик. Бывший шеф службы безопасности Чернятински. Последней моей мыслью, перед тем как мир разлетелся на части, была мысль о том, что я так и не узнал, что означает «кисейная барышня».

Безвременье продолжалось вечность, а может быть день. Или даже минуту. Внезапно по ушам резанул незнакомый марш. Бравую музыку сопровождали английские слова. Ничего не видно, только в темноте маячит какая-то рябь. Грязно-розовая и рваная, словно отблеск далёкой грозы, она тревожила и пугала. Где я?

Я напряг память, вспомнился Эштон, потом капитан Строева. Её голова, её отрезанная голова. В сознание, как монстр, всплыло улыбающееся лицо Чернятински, меня передёрнуло.

Так, спокойно! Я попытался привести себя в чувство. Чёртова музыка не давала сосредоточиться, тем не менее я пытался рассуждать. Итак, Чернятински разбил телевизор, это ясно. Если я могу слышать, значит, чип не оставили в телевизоре, не выбросили на помойку, а изъяли и куда-то вставили. Вероятней всего в радио, раз я слышу, но ни фиги не вижу. Или в какую-нибудь аналогичную фигню. Но почему поют не по-русски? Да мало ли, может, настроились на западную станцию. Или это запись? Вставили флэшку и гоняют, что нравится. Хотя кому такое может нравится? Марш сменился другим маршем. Парад у них, что ли?

– Эй! Вы меня слышите? – раздался глухой стук, стучали, скорей всего по корпусу. Голос был женский и обращался ко мне по-английски.

Я попытался ответить, но разговаривать в темпе военного марша оказалось непросто. Вместо слов получалось нечто нечленораздельное. Тот, кто со мной разговаривал, видимо, это понял и принялся настраиваться на другую волну, от помех мне стало не по себе, ощущение было такое, будто камнем возят по стеклу. Наконец, радио забубнило что-то о том, как обустроить садовый участок, сколько для этого нужно навозу и какой лучше подходит. Пусть, лучше про дерьмо слушать, чем бьющие по ушам марши.

– Так нормально? – поинтересовался голос.

– А вы кто? – ответил я вопросом на вопрос, прервав описание компостной ямы.

– Линда! Инженер по периметру.

– Какому периметру? – мне всё это не нравилось. – Где я?

– В тюрьме Джефферсон, штат Коннектикут.

Плохая шутка, не смешно.

– Нет, правда... – я попытался настроить собеседницу на серьёзный тон.

– Ваш чип привёз Чернятински, велел найти какую-нибудь рухлядь, собрать переходник и с его помощью вставить чип. Сказал, что тут его русский друг и надо сделать так, чтоб он не скучал. И рассмеялся.

– И куда ты меня вставила?

– В радиолу, 1951 года выпуска.

Всё это похоже на дурной сон, на чёртов кошмарный сон. Я хочу проснуться, очень хочу...

– Чернятински – садист, – оборвала захлестнувшую меня панику Линда, – он пытается заключённых. Тебе тоже приготовил сюрприз.

– Какой? – проговорил я голосом девушки, рекламирующей средство для похудения.

– Он сказал, что принесёт граммофон, и чтоб я придумала, как можно пристроить к нему чип.

В сознании всплыл древний аппарат с ручкой и трубой, на котором крутится заезженная пластинка, и трескучий голос поёт старинный романс. И ни скрыться, ни убежать. Ни даже убавить звук. Пытка, настоящая пытка. Лучше уж смерть.

– Линда, послушай, – чёрт, даже невозможно изменить интонацию, девка из радио, зараза, радостно стрекочет про талию, – послушай, спрячь меня, а? Или выбрось.

– Не могу, – послышался вздох, – Чернятински меня убьёт. Я его боюсь.

– Ну, как мой русский дружок, всем доволен? – послышался голос, который я узнал бы из тысячи. – Я смотрю, вы уже подружились? Согласитесь, Сергей, – Чернятински постучал по корпусу радиолы, – вы не можете меня упрекнуть в негостеприимстве Тут вам и музыка, и красивая девушка. Впрочем, вам ведь не видно. Ну, ничего, обещаю, скучать не придётся, – он рассмеялся, словно закаркал.

Послышался шорох, затем испуганный вздох Линды. Раздался удар, меня словно прошил высоковольтный разряд, и я провалился в небытие.

Темноту прорезали горизонтальные всполохи, что-то ярко моргнуло, через мгновение передо мной раскинулся унылый пейзаж: пыльная площадка без растительности, за ней трёхэтажный барак с решётками на окнах, позади – бетонный забор с колючей проволокой.

Я вспомнил разговор с Линдой. Как она говорила, кажется, Джефферсон. Точно, тюрьма Джефферсон в штате Коннектикут.

– Сергей? – в экран заглянула девушка, симпатичная, светлоглазая, с ямочками на щеках и распущенными волосами, спадавшими ей на спину. – Вы меня слышите?

Значит, меня снова сунули в телевизор, я прислушался к программе, шла трансляция хоккейного матча.

– А как же граммофон? – поинтересовался я голосом комментатора.

Линда улыбнулась, красивая улыбка, как на рекламе.

– Не принёс он его, наверное, не нашёл. Да где эту рухлядь возьмёшь, разве у коллекционеров. Или в какой-нибудь лавке старины. Я тебя пока в телевизор встроила, подумала, всё лучше, чем в радио торчать?

– Спасибо, – поблагодарил я, – скажи, а что ты здесь делаешь?

– Окончила технический колледж, – она пожала плечами, проведя ладонью по корпусу, – раскидала резюме. Без опыта никто не брал, а эти, – она махнула себе за спину, – предложили. Я согласилась. Теперь – вот, обслуживаю периметр, слежу за приборами, напряжением. И всё такое...

– Линда! Девочка моя, – в поле зрения всплыла фигура в чёрном, я мысленно сплюнул: Чернятински. – Кто тебе позволил помещать нашего друга в телевизор? Нехорошо, – он покачал головой, – разве не видишь, там ему неудобно. – Он повертел головой, будто что-то искал, схватил прут арматуры, валявшийся тут же, и двинулся в мою сторону.

– Погодите! – выкрикнул комментатор.

Через мгновение экран взорвался яростной вспышкой, я ощутил мощнейший разряд и снова погрузился в чернила беспомощности.

Через год, день или секунду я услышал детский голос, рассказывающий сказку про Белоснежку. Может быть, именно так умирают, под нежный голос и сказку? Не самый плохой вариант, по-моему. Во всяком случае, лучше, чем сдохнуть под граммофон.

– Сергей! – я узнал голос Линды. – Вы меня слышите? Как вы?

– Хрен его знает! – ответила Белоснежка.

– Сергей, – пропустив мимо ушей грубость сказочной девочки, продолжила Линда, её голос казался встревоженным, – он его принёс... Граммофон!

Только не это! Сукин сын решил меня известить...

– Я подумала... Вы меня слышите?

– М-м, – промычал кто-то из сказки, кажется, гном.

– Я хочу вам помочь, – она что, шутит, чем ему можно помочь, – я придумала одну вещь. В общем, можно ваш чип подключить к сети, понимаете?

– Не совсем, – признался я голосом Белоснежки.

– Ну, вы попадёте в киберпространство. Лучше в какую-нибудь игру, там ему вас не достать.

– Послушайте, Линда, – меня вдруг осенила догадка, – если хотите помочь, просто выньте чип и отправьте его почтой в Россию. Адрес: Москва, Лубянская площадь, дом...

– Не получится, – послышался вздох, – отсюда невозможно ничего вынести, нас обыскивают и сканируют. Да и ещё... – она замаялась. – Не хотела вам говорить, но вы здесь уже третий месяц...

Меня словно окатило ледяной водой. Сознание, единственное, что осталось от Сергея Скворцова, отказывалось понимать то, что сейчас сказала Линда. Выходит, моего тела больше не существует.

– Так вы согласны? Сергей, вы меня слышите, ответьте!

– А вы? Что будет с вами?

– Не знаю, – голос Линды сделался тише, будто она боялась, что её услышат, – придумаю что-нибудь. Не убьёт же он меня, в самом деле... Удачи! – и меня снова окутала темнота.

Глава 2

Мрак рассеялся, я смог разглядеть огромные створки платинового цвета, возле которых повисли две горизонтальные рамки. Металлический голос, раздававшийся, казалось, ото всюду, равнодушно пробубнил:

– Введите логин, пароль!

Неизвестно откуда материализовалась клавиатура с кнопками-сенсорами. Значит, Линда не обманула, и ей удалось сунуть меня в виртуал.

– Введите логин, пароль! – напомнил о себе невидимка.

Откуда-то снизу возникла виртуальная рука, вернее её часть, потому что начиналась от локтя. Каким-то образом я мог ей управлять, как своей собственной. Впрочем, не совсем так, тактильных ощущений не было, что, в общем-то, понятно, рука же не моя. Зато слушалась. Я принялся набирать пароль – семь цифр вразнобой, привычную комбинацию, которой я не раз пользовался раньше. Теперь логин, чёрт его знает, какие тут приняты. Попробуем «Скворец», я набил производную от собственной фамилии в прямоугольник.

– Используйте латинские буквы! – металлически попросил голос.

Не мог сразу сказать. Я стёр предыдущую запись, перевёл клавиатуру в английский регистр, написал «Скворец» латинскими буквами.

– Такой логин уже существует!

Надо же, значит, я не один тут Скворцов. Так, нужно придумать что-нибудь эдакое, позаковыристей, но и чтоб язык не сломался. Назовёшься Джавахарлалом, с таким никто дела иметь не захочет, потому что скорей сдохнешь, чем выговоришь. Скворец, скворец, как по-английски будет? Старлинг, кажется. Наверняка, и такой уже есть. А что если соединить нашего скворца с ихним. Я попробовал – вышло Скворлинг. Херня какая-то. Надо переделать. Пусть я лучше буду Скрайд. А что, коротко, звучно и ни хрена понятно! То что надо!

Я ввёл придуманную галиматью в окно, как и следовало ожидать игрока с подобным ником не оказалось. Ничего, теперь будет. Нажал «Enter», металлический голос так же равнодушно, как только что предлагал ввести ник, поздравил:

– Добро пожаловать, Скрайд, во вселенную Горд!

Из пространства материализовался экран, при этом клавиатура с полурукой не исчезли.

– Пожалуйста, выберите расу!

На экране показались шесть фигур. Средний был человек, а вот с остальными вышла загвоздка, ничего подобного раньше видеть не приходилось. Одна раса называлась «мардаки». Натуральные орки, здоровые, с рыжей шерстью и свирепым рылом. Посмотрим, что про них пишут, – возле картинки расположился небольшой текст, судя по всему краткое описание расы.

«Абсолютная всеядность, слабая мыслительная деятельность, культ силы, технологически не развиты, однако имеют многочисленный вооружённый флот, раса характеризуется мощнейшей экстенсивной колонизацией».

Всё ясно – один в один мангалоры из «Пятого элемента». Нет уж, увольте, быть обезьяной с гранатой совершенно не светит.

Дальше – пенальцы, На экране возник зелёный урод с жабьей головой, четырьмя руками и ногами, напоминающими ласты. Относятся к классу жаброшеих амфибий, – меня передёрнуло, – приспособлены к существованию как в жидкой среде так и на суше, способен дышать любыми газами, включая азот, пища – кислотный планктон и каловые рифовые отложения с планеты Краб. К горлу подступил ком – нет уж, питаться, пардон, дерьмом, каким бы вкусным оно не было, это без меня.

Для себя я уже решил, что выберу расу людей, слава богу, что есть такой выбор, но прочесть об оставшихся расах всё же не поленился. Надо иметь представление о тех, с кем придётся столкнуться.

Фаряне – зелёного жабоида сменило существо с головой, напоминающей треугольник, огромными, занимавшими почти пол-лица миндалевидными глазами, сплюснутым носом и ртом без губ. На лбу имелся костяной нарост, кожа гуманоида была розового цвета. Из одежды – что-то вроде платья до пят. Фарянин вызывал смешанные чувства, в нём странным образом сочетались привлекательность и уродство.

Раса гуманоидов-гермафродитов, – принялся читать я, – малоподвижные, с высокими умственными способностями. Могут делить сознание и фасеточное зрение на участки, функционирующие самостоятельно. Здесь точно мимо, быть гермафродитом с расчленённым сознанием меня не заставили бы даже под пыткой.

Ещё одна раса – Гаэляне. На экране возникло существо, по сравнению с которым пеналец-жабоид казался красавцем. Голова, – трудно даже описать, – вот если взять и побрить морду лошади, получится что-то похожее. Эта голова торчит непонятно откуда, тело гаэлянина представляло массивную тумбу без ног, пятнистую, посреди которой мерцало небольшое окошко неправильной формы. В том, районе, где у человека находились бы плечи, виднелось странное образование, то ли части тела, то ли приборы. Они светились, и внутри них что-то двигалось.

Посмотрим, что из себя представляют. «Гуманоиды, тысячелетиями развивающие свою физиологическую форму путём генетических модификаций эмбрионов. Первоначальная форма расы уже неизвестна. Культивируют конструктивизм и гуманизм. Относятся ко всем, как друзьям и партнёрам, даже если те таковыми не являются».

Н-да, с такой философией им долго не протянуть. Хотя, кто его знает.

И последние – Клитаны. Появилось изображение непонятно чего – какое-то зелёное членистое кольцо. Так это же не существо, это корабль. Что за хрень ещё, я принялся читать описание.

Клитаны – это раса-загадка, известно, что у них есть головной корабль, матка, называемый «Марталла». Считается, что выяснить причину вторжения клитан можно только при встрече с Марталлой. Но поговорить с ней никому не удавалось. Клитанские корабли никогда не выходят на связь и не просят пощады. Структура их кораблей толком не изучена, потому что никому не доставался целый корабль. Лишь обломки, называемые «протоплазмой». Протоплазму больше не раздобыть нигде, поэтому это – очень дорогостоящее вещество, его используют в производстве оружия и в других сферах.

Информация о клитанах чем-то встревожила, я снова перечёл сообщение. Ага, вот оно – «вторжение». Раз вторглись, значит, враги. Как насчёт подробностей, неожиданно заметил внизу экрана небольшую сноску «Вселенная Горд». Щёлкнул по ней, возник текст.

«К трёхтысячному году человечество освоило межзвёздные перелёты и вступило в контакт с четырьмя другими цивилизациями: мардаками, пенальцами, фарянами и гаэлянами. Их отношения складывались непросто, но, тем не менее, они принимали совместные решения на Галактическом Совете.

Внезапно из неизведанных областей галактики появилась новая раса, клитаны. И без каких-либо переговоров стала захватывать одну звёздную систему за другой. Началась кровопролитная война коалиции пяти цивилизаций против захватчиков. Для каждого воина галактики стало делом чести вступить в схватку с агрессором. Многие корабли клитан были уничтожены, но подобраться к кораблю-матке, Марталле, не удалось никому. Возможно, это удастся тебе».

На фиг надо. Что я – больной. Развели тут патристическую богодельню, а на самом деле, всё как везде – постараться не сдохнуть и, по возможности, набить карманы. Вот и вся философия.

Я вернулся в предыдущее меню, с шестью расами. Кликнул по строке «человек». Но это было ещё не всё.

– Пожалуйста, выберите статус.

Мне предлагалось три варианта: воин, пират, торговец. Я не стал вдаваться в подробности, во-первых, мне уже порядком надоело торчать в этом предбаннике, к тому же и так всё понятно: воин склонен к боям, торговец тяготеет к торговле, ну, а пират – соответственно к грабежу. Я вспомнил, как в детстве зачитывался книжками про пиратов, острова, сокровища, всё такое... Может, и пожалею потом, но, – была не была, – я ткнул в строчку «Пират».

Экран пропал так же внезапно как появился. Платиновые створки бесшумно раздвинулись, я шагнул вперёд. Шагнул?! Я замер, как вкопанный, медленно, боясь спугнуть происходящее, оглядел себя сверху вниз. Взгляд скользнул по стального цвета костюму, – то ли лёгкий скафандр, то ли униформа, – переместился к ногам, обутым в мудрёные сапоги. Я поднял ногу, шевельнул рукой, всё работало. Мало того, я мог чувствовать. Чтобы снять последние сомнения ущипнул себя за руку. Никогда я так не радовался боли.

– Что, новенький? – раздался квакающий голос, меня похлопали по плечу.

Я обернулся, здоровенный пеналец-жабоид улыбался во весь лягушачий рот.

– Вижу, выбрал пирата, – продолжал квакать пеналец, – правильно, лучше, чем совать башку в пекло или трястись над кошельком. Кстати, не одолжишь пару кредитов?

– Я? Да у меня нет ничего, – для достоверности я похлопал себя по бокам.

– Как? Всем новичкам полагаются подъёмные, пошарь по карманам.

Я принялся обследовать костюм, который, – тут жабоид был прав, – просто изобилывал карманами, пеналец следил за мной, нетерпеливо поквакивая, и уходить, похоже, не собирався. Наверное, уже считал содержимое моих карманов своей собственностью. Разумеется, я не собирався ничего давать первому встречному, особенно такому, и, найдя деньги, нашёл бы слова, чтоб вежливо отказать, но ничего объяснять не пришлось, зазвучала сирена, и мой зелёный знакомец, забыв о деньгах, сорвался с места.

Мимо, едва не сбив с ног, пронеслась туша, окатив меня отвратительным духом, по огромным ушам я узнал в пробегавшем мардака. Со всех сторон слышался топот ног, люди, мардаки, пенальцы, фаряне, – все мчались как угорелые.

– Ты чего встал?! – на всём ходу в меня воткнулся, – хоть тут повезло, – человек. – А-а, новенький, – что-то надоело мне это, звучит, как насмешка. Все когда-то бывают новенькими.

– Что случилось? – я указал на общий исход.

– Клитаны! Напали на систему Грампела. Подлетай, если надумаешь, хоть протоплазмой разживёшься. Только в пекло не лезь, а если что, прыгай на какую-нибудь планету, их там как грязи. Или кричи – подскочу. Понял? – чего понимать-то, в двух словах, если шухер, надо валить или кричать караул. Я б и сам догадался. – Как звать? – поинтересовался мой собеседник.

– Серг... Скرایд.

– Меня – Сибл, всё, бывай! – помахав рукой, он помчался дальше.

Вскоре всё стихло, я, наконец, смог осмотреться. Зал, где я находился, выглядел так, как и должна выглядеть межзвёздная база: по форме круглая, ничего лишнего, всё стального и матового оттенка, пол с мерцающей подсветкой, сверху сферический купол, сквозь который виднеются звёзды. Из обстановки какие-то пульта, экраны, непонятного назначения кубы с дверьми, может быть, комнаты отдыха или свиданий, хрен его знает. По периметру тоже двери, как раз в них и скрывались все, кто спешил драться с клитанами. Чуть в стороне я заметил

что-то вроде барной стойки. Почему вроде, она самая и есть. Я вдруг поймал себя на том, что не ел несколько месяцев.

За стойкой хлопотал человек без обеих рук. Вернее, они были, только механические.

– А-а, новичок, – прокричал бармен, на вид обычный мужик, короткая стрижка, прямой нос, тонкие губы. Портит только шрам через всё лицо. – Как звать?

– Скрайд, – буркнул я, устраиваясь на стуле, – а тебя?

– Берг, – механическая рука, жужжа приводом схватила стакан, другая принялась его протирать, – выпьешь? – он кивнул за спину, намекая на батарею из бутылок.

– Слушай, я б лучше съел чего-нибудь.

Берг наградил меня долгим взглядом.

– Первый раз вижу воина, начинающего путь со жратвы. Обычно все мчатся смотреть на корабль.

– Какой корабль? – я сглотнул, мне что полагается корабль? – А где...

– Там, – Берг кивнул в сторону периметра, – сразу увидишь, он там один, все улетели.

Я привстал, не терпелось глянуть на личный звездолёт.

– Эй, а завтрак?

Действительно, что это я. Как нетерпеливый ребёнок, которому подарили велосипед.

– Что есть? – я уселся на место.

– Карванские снежки, вешские гурты, – свежие, только вчера завезли, – или вот, – двумя пальцами механической руки он выхватил из кастрюльки нечто напоминающее банан, только с клешнями, – крабский карандаш. Хотя, его лучше с пивом...

– А чего-нибудь простого, яичницы нет? – без особенной надежды спросил я.

– Я понял, – кивнул Берг, – предпочитаешь традиционную кухню? – ещё бы, жрать каловые отложения, тем более за деньги, точно не стал бы. – Яичница так яичница, – бармен полез в холодильник, – сколько яиц?

– Три!

– Бекон добавлять?

– Валяй! – брякнул я и прикусил язык, надо бы уточнить из чьего мяса, но отменять заказ не стал. Не солидно для пирата менять решения. – Слушай, Берг, прости, конечно, что спрашиваю...

– Не извиняйся, – брякнув на плиту сковородку размером с Плутон, пробубнил Берг, – все спрашивают. Ты про руки? – я кивнул. – Хреновая история вышла, так же вот, как сегодня, – он кивнул на периметр, – напали клитаны, и я совсем близко подобрался к Марталле, их матке. Думал, сейчас уделаю тварь, а вышло, – он горько усмехнулся, – что уделали меня. Хорошо ещё жив остался, руки только оторвало. Ну вот, хотел в реал выйти, а оказалось, там, снаружи недоглядели, из вирта не вынули вовремя, на сороковой день только спохватились...

Я вспомнил, было несколько громких скандалов, люди лишались своих тел из-за безалаберности игровых корпораций. Но дела быстро заминались, скорей всего, с помощью денег.

– А дальше?

– Фаряне приделали мне вот эти, – он с жужжанием помахал механической рукой, – грабли, и теперь я – бармен.

– А что те, из реала?

– А что они, – пожал плечами Берг, – сказали, что создали базу данных вероятных доноров, и как только появится тело, я буду первый, кто его получит. Только не верю я. Кто добровольно расстанется с телом? Вот ты бы расстался? – он посмотрел на меня в упор.

Я собрался ответить, но тут разглядел мой будущий завтрак. На огромной сковороде шкворчала глазунья с такими глазами, что мои вылезли из орбит. Тут либо курица размером с корову, либо коровы стали нестись...

– Яйца гипадиуса, – пояснил Берг, заметив мою растерянность, – три штуки, как заказывал.

Вот змей, не мог предупредить. Этими тремя яйцами можно накормить взвод, и ещё останется. Интересно, денег-то хватит, я потянулся рукой к карманам, мой жест незамеченным не остался.

– Не переживай, с тебя – тридцать кредитов. А в твоём кошельке – триста!

Во мне крепла уверенность, что меня обдирают как липку, но ничего поделать не мог. Сам виноват, не фиг быть слишком доверчивым.

– Ты проверь, проверь, – кивнул на мой костюм Берг, – посмотри хоть как кредиты выглядят, ещё там коммуникатор есть, маленькая такая хреновина.

Действительно, кроме денег, обнаружился чёрный прямоугольник размером со спичечный коробок и с одной единственной кнопкой.

– Нажми! – кивнул Берг.

Я послушался, в ту же секунду коробочка увеличилась, превратившись в устройство, напоминающее планшет, во всяком случае, форма и размер были точно такими. Экран засветился, на нём возникло изображение человека, одетого как и я, в стального цвета комбинезон. Над фигурой виднелась надпись – Скрайд, 1 уровень.

– Это же... – я поднял на Берга глаза.

– Ну да, ты.

Я принялся разглядывать себя, до этого момента мне это как-то не приходило в голову, наверное, совершенно отвык от тела. Вернее, привык, что его у меня нет. С экрана на меня смотрело чужое лицо. Не сказать, что неприятное, – черноволосый, с короткой причёской, прямым носом, карими глазами, и волевой складкой у губ, – персонаж выглядел вполне ничего, но непривычно. Непривычно ощущать себя в новом теле, и необычно. Я усмехнулся. Любой, кто лишился бы тела, был бы, наверное, подавлен, а я чуть ли не в восторге. После того, как от меня остался лишь разум, обрётённая плоть, пусть даже виртуальная, казалась лучшим подарком.

– Там все твои показатели, – подсказал мне бармен.

Действительно справа от персонажа расположилась таблица с какими-то данными, и взгляделся внимательно:

Опыт: 0

**Навыки: Техника: 0; Лидерство: 0;
Маневренность: 0; Торговля: 0; Обаяние: 0**

Репутация: -10

Звание: салага.

Характер: начинающий пират, родился на планете Земля, в чём-либо предосудительном, впрочем, как и в позитивном, замечен не был. Тяготеет к грабежам, насилию и убийствам. Взят на заметку фарьянами.

- Ну, как, – отвлёк меня Берг, – ознакомился?
- Я пожал плечами, больше всего мне не понравилось звание, что это, в самом деле, такое – салага.
- Тут вот звание... – я замялся, не зная, как точнее сформулировать вопрос.
- У пиратов, – ухмыльнулся Берг, – свои звания, – он брякнул передо мной тарелку с дымящейся яичницей. Пахло ничего, аппетитно.
- Какие? – поинтересовался я с набитым ртом.
- Салага, – я чуть не поперхнулся, – юнга, рейдер, шкипер, и так далее. Самое высокое – Барон. У военных всё по-другому, там – новичок, кадет. До адмирала...
- Я вздохнул, в принципе, что новичок, что салага – один хрен. Надо прокачаться быстрее и стать шкипером, хотя бы. Юнга тоже как-то, не очень.
- А репутация, почему она с минусом, я же ничего плохого не сделал.
- Как это? – округлил глаза Берг. – А кто выбрал пирата?
- Ну и что?
- А то, что пиратов не особенно любят. Поэтому и рейтинг изначально снижен, понял?
- Если честно, не очень, какая-то дискриминация по призванию. Но уточнять не стал, всё равно уже выбрал.
- Кстати, если хочешь сменить, – я думал скажет ориентацию, но обошлось, – статус, можешь это сделать в любой момент. – это интересно. – Только не советую.
- Почему?
- Потому что поновой придётся качать навыки. Те, что хороши для пирата, не годятся для воина или торговца. Ну, и наоборот, разумеется.
- А какие для пирата качают? – я отодвинул почти полную тарелку, больше запихивать в себя не было силы.
- Разберёшься... – уклончиво промычал Берг.
- Так, этот криворукий хрен что-то скрывает. Или, – меня пронзила догадка, – хочет денег. В принципе понять можно, любая информация чего-нибудь стоит, а за возможность немно-

жечко заработать осуждать глупо, особенно в моём положении. Я отсчитал пятьдесят кредитов, положил их на стойку. Бармен взял тридцать, остальные подвинул обратно.

– Сдачи не надо! – с видом человека, привыкшего сорить деньгами, произнёс я.

Полтник исчез со стойки с космической скоростью, Берг, протянув мне стакан с водой, пояснил:

– Пирату лучше качать обаяние и технику.

Вот уж не думал бы, пират и обаяние сочетаются примерно как бегемот с виолончелью, хотя, смотря какой пират.

– Обаяние, – продолжал ликбез бармен, – снижает негативную реакцию окружающих на разные «шалости», там убийство, грабежи и всё такое. Одновременно, если сделаешь что-то хорошее, поднимает тебя в глазах всё тех же окружающих.

Всегда подозревал, что обаяние – штука полезная. А что с техникой?

– Техника, – словно читая мои мысли, проговорил Берг, – снижает износ оборудования. Уменьшает повреждения техники, – корабля, к примеру, – в бою. Соответственно, меньше требуется денег на ремонт. Качают навыки протоплазмой.

В голове стал выстраиваться план моей будущей тактики, основанной на пока что примитивном алгоритме: протоплазма – навыки – прогресс.

– Репутация, – перешёл к следующему пункту Берг, – основана на успешных действиях и имеет направленность. К примеру, если много грабил, будешь иметь высокий пиратский рейтинг, и к тебе хорошо будут относиться другие пираты. Если много воевал – в почёте у воинов, выгодно торговал – у торгашей. Ясно?

Ну, в общих чертах. Непонятно только, как исчисляется этот самый рейтинг, если я, к примеру, буду грабить и воевать одновременно.

– Там сложная формула, я сам до конца, да, по-моему, никто толком не понимает. В общем, чем больше награбишь, тем больше рейтинг... Что ещё? – Берг почесал подбородок механическим пальцем. – Поначалу в драки старайся не лезть. С пукалкой, что у тебя на корабле, много не навоюешь, из неё только по мутёнкам стрелять.

– По кому? – нахмурился я, снова возникло ощущение, что меня оскорбляют. Не многовато для одного дня?

– По мутёнкам, – оскалился Берг, – это такие мелкие корабли клитан. По одному не страшные, а вот толпой – могут пришить. В общем, как увидишь – не спутаешь: зелёная мелкая шляпка, правда, говнистая.

Обалдеть, какое изящное описание, так и стоит перед глазами: зелёное и говнистое.

– Ещё можно собирать обломки астероидов, сильно на этом не разживёшься, но с голоду не помрёшь. Исследуй планеты, на некоторых интересные артефакты бывают. Ну и квесты, без них сложно качаться, бери задания, выполняй. Вроде, всё, остальное сам узнаешь.

– Ну, я пошёл! – я поднялся. – Бывай, Берг!

Бармен помахал мне жужжащим протезом, я направился к периметру. Створки двери бесшумно разъехались – у меня захватило дух, вот это размах: база была невероятных размеров с множеством причалов для кораблей, складами, ангарами, ремонтными базами и ещё бог знает с чем. Причаливали и отлетали какие-то, явно не военные, скорей всего грузовые суда. Огромные и неповоротливые, они напоминали китов.

Свой корабль я определил с первого взгляда. Он, объятый клешнями захватов, сиротливо висел между пустых причалов и имел на вид мощный и довольно объёмный корпус, четыре крыла, – по два с каждого боку, и передний отсек, где, скорей всего, находится кабина пилота. А вот оружия что-то не видно.

– Твоё ведро? – послышался голос, ко мне направлялся человек в робе. Это что, про мой звездолёт? – Оглох, тебя спрашивают...

– Мой, только не ведро, а...

Типу в робе было до фени, что там у меня, хоть садовая лейка. У него, впрочем, как и у бармена, был ко мне исключительно монетарный интерес.

– Пушку будешь ставить? Или так летаешь?

Что за вопрос, какой пират без оружия. Без оружия пират – это не пират, а пародия.

– Буду, – уверенно кивнул я.

– Тогда сто кредитов!

У меня возникли смутные подозрения, что пока из меня не высосут всё, я отсюда не улечу.

– Ладно, – я отслюнявил сотню и протянул её механику, – что хоть поставишь?

– На такое ведро – только фотонную пушку.

Пукалка, догадался я, мне вдруг стало смешно. Я представил, как пират в звании салаги носится по космосу на ведре, поливая всех из пукалки.

– Чего ржёшь? – удивился механик.

– Не обращай внимания, – отмахнулся я.

– Дроид нужен? – с явным подозрением на мою неадекватность, поинтересовался мой собеседник.

– Зачем?

– Для ремонта.

– Сколько?

– Семьдесят.

– Давай, – ещё одна порция денег перекечевала в ненасытные руки механика.

Он ушёл, а я, наконец-то, смог подняться на борт.

Глава 3

Пройдя по широкому коридору с матовой обшивкой и стальным полом, я очутился в святая святых любого корабля – кабине пилота. Собственно, кабина – это неверное слово, помещение, куда я попал, представляло скорее огромный зал, с обзорными окнами и потолком, сквозь которые можно было наблюдать за всем, что твориться снаружи. В передней части кабины находилось возвышение, на котором располагилась огромная панель управления с большим экраном посередине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.